

Неопределенность мира и проблема русской цивилизации

Р.И. Соколова

Институт философии РАН, Москва, Россия

Аннотация

Статья посвящена цивилизационной проблематике, которая во многом обусловлена средой или фоном, т.е. общественно-политической обстановкой в стране и мире в целом, оказывающей на нее опосредованное воздействие. Автором рассмотрена новая ситуация, для которой характерна нестабильность во всех сферах общепланетарного бытия, отражающаяся и на положении человека. Данную ситуацию характеризуют в литературе как конец определенности или «неопределенность», нашедшая сегодня отражение в терминологии, атрибутированной словом «новая» или приставкой «пост». Установлено, что несмотря на актуальность, это понятие имеет длительную историю в философии, начиная с Античности и заканчивая современностью. Автор статьи констатирует вклад современной российской цивилизационной теории в состояние неопределенности в России, обусловленной как терминологической многозначностью и неопределенностью ключевых понятий этой теории, так и идейно-мировоззренческим разногласием ее представителей. Представлены три версии относительно существования цивилизации в российском государстве, которые остаются в гуманитарном дискурсе новой России на протяжении тридцати лет. Особое внимание уделено третьей версии как наиболее устойчивой, согласно которой Россия была и остается частью Запада, выявлены причины ее популярности. В качестве базисной методологической основы исследования такой версии взят концепт Другого, ставшего в последнее время очень актуальным после того, как обнаружилось, что движение в сторону Запада без учета исторических особенностей России оказалось неудачным, а сам Запад направил все усилия на сдерживание России. Сделан вывод о том, что более внимательное отношение к фону поможет сблизить позиции разных авторов и минимизировать неопределенность, принимающую все более тревожные черты. Это может способствовать выработке мировоззренческих координат и ценностей, определяющих жизненно важные приоритеты и перспективы развития, дать образ будущего, воплощенного в удовлетворяющем все общество проекте цивилизационного развития.

Ключевые слова: социальная философия, культура, нестабильность, фон, образ Другого, проект, ментальность, идентификация.

Соколова Римма Ивановна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора философских проблем политики Института философии РАН.

rimmsok70@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2479-2810>

Для цитирования: Соколова Р.И. Неопределенность мира и проблема российской цивилизации // Философские науки. 2021. Т. 64. № 2. С. 128–148. DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-2-128-148

The Uncertainty of the World and the Problem of Russian Civilization

R.I. Sokolova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The article analyzes civilizational problems, which are largely determined by the environment or background, i.e., the socio-political situation in the country and the world, which exerts indirect impact. In this regard, the article considers the new situation in the world, characterized by instability in all spheres, which also affects the human situation. This situation is defined in literature as the end of certainty or beginning of “uncertainty,” which is reflected in modern terminology, attributed with the word “new” or the prefix “post-.” It is noted that despite the current topicality, this concept has a long history in philosophy, starting from the classics and continuing into modern philosophy. The paper dwells on the contribution of the modern Russian civilizational theory to the state of uncertainty in Russia, caused both by the terminological ambiguity and uncertainty of the key concepts of this theory, and by the ideological and worldview differences of its representatives. The article discusses the three versions of the assessment of Russian state, which remain in the humanitarian discourse of new Russia for thirty years. Special attention is paid to the third version as the most tenacious one, according to which Russia has been and remains part of the West, and we clarify the reasons for its persistent popularity. Considering this version, the author applies the concept of the Other, which has become relevant after it had become clear that the movement toward the West without taking into account the historical peculiarities of Russia was not so successful, and the West made efforts to constrain Russia. The paper con-

cludes that closer attention to the background will help to bring together the positions of different authors and minimize the uncertainty that is taking on more and more disturbing features. This research can contribute to the formation of worldview coordinates and values that determine vital priorities and development prospects, to the emergence of a civilization development project that satisfies the entire society.

Keywords: social philosophy, culture, instability, background, image of the Other, project, mentality, identification.

Rimma I. Sokolova – D.Sc. in Philosophy, Leading Research Fellow, Department of the Philosophical Problems of Politics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

rimmsok70@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2479-2810>

For citation: Sokolova R.I (2021). The Uncertainty of the World and the Problem of Russian Civilization. *Russian Journal of Philosophical Sciences* = *Filosofskie nauki*. Vol. 64. no. 2, pp. 128–148.
DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-2-128-148

Как об этом мире не суди и не ряди,
главное – не каков он, а каков ты внутри!
Пословица

Введение

Цивилизационная тематика, имеющая длительную традицию в истории науки и актуализированная в современной России с начала 1990-х годов, по-прежнему находится в центре внимания отечественных ученых. Несмотря на обилие литературы и большие теоретические достижения в этой области, до сих пор среди исследователей наблюдаются разногласия относительно того, что представляет собой Россия в цивилизационном отношении, куда она движется и какое будущее ее ожидает. Полагаем, одной из причин служит недостаточное внимание или даже игнорирование фона, на котором существует российское государство и который является важным, если не определяющим для ее существования на протяжении истории. Проблемы, существующие в нашей стране, известны, их обсуждают на всевозможных уровнях общественной жизни, от политических деятелей и экспертов разного профиля до рядовых граждан. Однако эти проблемы усугубляются и отчасти порождены той средой или фоном, на котором они формировались и вызревали, т.е. речь идет об известных

последствиях, связанных с поражением Советского Союза в холодной войне и с последующими радикальными изменениями, затронувшими цивилизационные основы России, ее положение в мире. Более внимательное отношение к фону поможет приблизиться и к более адекватному пониманию сущности важнейших вопросов в контексте цивилизационной проблематики.

Неопределенность как примета времени

Очерчивая особенности этого фона сегодня, необходимо констатировать все более увеличившуюся нестабильность в мире [Степин 2017] вследствие того, что между ведущими державами с каждым годом накапливаются взаимоисключающие, глубинные противоречия, ведущие к неразрешимым проблемам. Это приводит к отказу от устоявшихся принципов, норм и правил взаимодействия между странами, от всех договоров о взаимном сдерживании, к крушению имевшихся представлений об устройстве миропорядка, разрушению международных институтов и увеличению расходов на военные цели.

Россия оказалась в сжимающемся кольце: события на Украине, в Белоруссии, Киргизии, Армении, усилившиеся территориальные притязания Японии. Есть все основания думать, что этот процесс еще не завершен. Очевидны признаки того, что мир находится на грани глобального катаклизма из-за неудержимого желания коллективного Запада во главе с США к доминированию и удержанию геополитического первенства [Бжезинский 2017]. Кроме того, возлагавшиеся надежды на БРИКС и Шанхайскую организацию сотрудничества становятся несколько призрачными ввиду грандиозной геостратегической победы Китая, который сформировал зону свободной торговли под названием «Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство» (ВРЭП) из десяти стран ВСЕАН, а также Австралии, Новой Зеландии, Южной Кореи и Японии. Это представляет для Китая более существенный интерес с экономической точки зрения, а значит, не исключена и смена политической ориентации. Многие эксперты сходятся во мнении о том, что мир перешел в новую историческую реальность.

Кроме трансформации геополитического ландшафта, происходит изменение климата, нарастают экологические проблемы, повышаются риски от стихийных бедствий, от недостаточной изученности нового вируса, поразившего человечество, от техногенных катастроф, риски в финансовом секторе. Все более

очевиден тот факт, что мир становится сложным, нелинейным, неустойчивым, движется к глобальным переменам, вектор которых остается неопределенным из-за множества факторов, не поддающихся точному прогнозированию и зависящему от ряда случайностей. Беспрецедентная скорость изменений порождает ощущение движения в неопределенное будущее. Известный ученый, нобелевский лауреат И. Пригожин, которого называли иногда философом нестабильности, характеризовал такое положение в мире как «конец определенности» [Пригожин 1991; Пригожин 2000]. Изучая сложные системы и уделяя основное внимание физике, математике, он разработал и методологию, применимую к реальности во всех ее проявлениях, в том числе к сфере человеческой действительности. Смысл его утверждения раскрывают слова, сказанные им ранее: «Мы больше не очарованы рациональностью. Будущее больше не предзадано, оно не вытекает из настоящего. Это означает конец классического идеала всеведения [Prigogine 1983, 78].

Смысловое содержание выражения «конец определенности» из-за присущей ему расплывчатости находит свое место во многих других терминологических воплощениях: «новая современность», «мировой хаос», «новое варварство», «новый мировой беспорядок», «новая нормальность», а также во всевозможных концептах с приставкой «пост»: «постмодернизм», «постгуманизм», «постправда» «постэкономическая эпоха» и т.д. Использование термина «неопределенность» применительно к сфере глобальной политики сближает его с теорией хаоса, согласно которой неспособность наблюдателя собрать необходимые, но необозримые и трудно определяемые данные, делает невозможным надежное предсказание поведения сложных систем. Даже малейшие изменения в окружающей среде могут привести к непредвиденным последствиям. Каким бы убедительным и долгим не был процесс интерпретации и объяснения, он никогда не достигнет заданного предела для точного прогноза ввиду всевозможных привходящих обстоятельств. Таким образом, неопределенность наподобие кантовской «вещи в себе» неизбежно приобретает статус окончательного объяснения. По всем признакам неопределенность стала одной из главных примет общепланетарного бытия человечества, что нашло отражение в современных научных словарях: философском, экономическом, юридическом, психологическом, естественнонаучном и др. Это свидетельствует о теоретической значимости

данного понятия. С точки зрения ряда исследователей, «понятие “неопределенность” можно считать одним из популярных понятий, используемых не только в философских исследованиях, но и в работах в области гуманитарных, социальных, естественных наук, рассматривающих это понятие в различных исторических контекстах и ситуациях» [Дорожкин, Соколова 2015].

Следует отметить большую роль философии в исследовании неопределенности, которая на протяжении истории занималась осмыслением мира со всеми его сложностями, кризисами и противоречиями, анализируя и сущностные черты происходящих процессов, и возможные перспективы развития человеческой цивилизации. Простое и обыденное, на первый взгляд, слово «неопределенность», как и слово «определенность», служили объектом размышления философов и приобрели в конечном счете признание статуса универсальных и взаимообусловленных философских категорий, наполненных глубоким смыслом и значением для познавательного процесса. Наиболее отчетливое представление о неопределенности началось с учения Анаксимандра, который считал неопределенность основным свойством материи; затем эта линия продолжилась у пифагорейцев. Утверждение Гераклита о том, что «все течет», тоже давало основание толковать его с точки зрения неопределенности. Платон считал материальный мир миром неопределенности, изменчивости, а идеальный мир сущностей относил к определенности. Большое значение понятиям «определенность» и «неопределенность» придавал Гегель. Для него неопределенность заключается в нерасчлененности, самотождественности бытия. Только становление, изменение, появление границ и различий придает бытию определенность. Известная буддийская исследовательница Пема Чодрон, ссылаясь на знаменитую китайскую пословицу («Не дай вам Бог жить в эпоху перемен»), убедительно показала, что ее настоящий глубокий смысл заключается не в констатации сложностей, которые возникают в эпоху перемен, а в неспособности человека переносить беспокойство и страх перед неопределенностью, являющейся основой бытия [Чодрон 2016].

Философское исследование фона, все более неопределенного, непрерывно актуализируется. Со времен М. Хайдеггера и до сих пор философия проявляет интерес не столько к конкретным явлениям и процессам, сколько к общему неопределенному фону, который сам по себе не поддается однозначному определению

и ускользает, но в котором сущее становится определенным. Ю. Хабермас, придававший большое значение предзнанию того, что может случиться в мире, и для понимания исторической судьбы культуры также уделяет внимание неопределенному фону, позволяющему отчетливо увидеть заключенную в нем сущность. Неопределенность обсуждалась в одной из ранних работ Ж. Деррида «Фармация Платона». Ж. Бодрийяр квалифицирует современные общества с их ценностями как общества, основанные на «принципе неопределенности». Таким образом, философский способ мышления направлен на когнитивное познание сущности, а значит, на выявление определенности в неопределенности, порядка в беспорядке.

Актуальность проблемы неопределенности еще более понятна и очевидна при обращении к ее экзистенциальной составляющей. Действительно, современная жизнь человека чрезмерно наполнена ситуациями неопределенности, его существование во многом является зыбким, нерешенным и незавершенным, что неизбежно делает проблему неопределенности человеческого существования одной из главных философских проблем. Неслучайно этому посвящены целые отрасли философского знания: философия жизни, экзистенциализм, философская антропология и др. Современное общество, развиваясь под знаком «постметафизического плюрализма» (Хабермас), не способствует формированию моральных ориентиров, без которых невозможна нормальная жизнь человека, что усугубляется кризисным состоянием многих культур и цивилизаций. В результате человек находится в перманентной тревоге, обостряются страхи относительно будущего, ему сложно выработать приемлемую стратегию взаимодействия с жизненной реальностью.

Указывая на отсутствие возможности понимать происходящее и управлять своей жизнью, отечественные исследователи также фиксируют наличие ситуации неопределенности в жизни человека. В частности, О.Н. Первушина пишет: «Ситуация неопределенности выглядит как неструктурированная, не содержащая в себе ориентиров, направляющих поведение людей» [Первушина 2007, 12]. Она пугает человека задолго до того, как появляется негативная ситуация, поскольку «теряя чувство определенности, упорядоченности, люди теряют надежду» [Вересов 2018, 10]. Можно констатировать, что экзистенциальная неопределенность, присущая всем областям человеческой жизни, запредельна, что выдвигает эту проблему в разряд наиболее острых. Так, Г.И. Рузавин отме-

чал: «Как это ни покажется удивительным, именно в обществе неопределенность и риск все больше возрастают как количественно, так и по своим негативным последствиям. Потенциальная угроза ядерной войны, экологический кризис, международные конфликты, терроризм, экономическая нестабильность, спады производства, безработица, инфляция и т.д. – все это служит подтверждением вышеупомянутого тезиса» [Рузавин 2009, 92].

Для России неопределенность представляет особенно большую опасность. Значительно возросшие в последнее время риски окружающего политического фона ставят страну в очень сложное положение, усугубляемое экономической и технологической зависимостью от коллективного Запада, а также долгими и неудачными попытками встроиться в западный контекст. Однако наряду с этими рисками ситуацию обостряют и риски теоретического плана, произрастающие, в частности, в сфере философских исследований цивилизационной проблематики.

Современная цивилизационная проблематика как фактор неопределенности

В общую картину неопределенности вносит лепту и современная цивилизационная теория в России. С одной стороны, она пребывает в зоне неопределенности из-за разногласий ее трактовки и множества противоречивых аргументов, с другой – ввиду своей неопределенности является фактором, создающим и усиливающим неопределенность фона, описанного нами ранее. Остаются открытыми с позиции нашего понимания вопросы о том, кто мы, куда идем и зачем. Уже эти вопросы говорят о наличии проблемы. На Западе и Востоке более или менее знали, чего они хотят, и сегодня знают. Непонимание нами своей цивилизационной сущности ведет к растущей стратегической неопределенности России, что становится опасным в условиях глобальной неопределенности, приобретающей все более тревожные черты.

В этой связи значимы два принципиальных положения. Во-первых, интерес представляет само понятие «цивилизация», которое активно используется в исследованиях философов, историков, иных представителей общественных наук. В трактовке данного понятия, представленного в литературе более чем в трехстах разных вариантах, уже содержится неопределенность ввиду его неоднозначности, постоянной корректировки, дополнений и непрекращающейся дискуссионности. Полагаем, что такое чрез-

мерное многообразие, порождающее неопределенность, исходит из непонимания или игнорирования чего-то действительно значимого и фундаментального, над чем и следует думать ученым. Не углубляясь в нюансы перечня определений, не способствующих ясности понимания, целесообразно учитывать наиболее распространенный набор качеств локальной цивилизации, согласно которому цивилизация – это «отдельная социокультурная общность, опирающаяся на национальное или более широкое геополитическое единство и языковое родство (в собственном или широком смысле), отличающееся родством экономического быта, политического строя, культурных традиций и менталитета» [Фролов 2006, 97].

Современный подход к истории предполагает, что под общим понятием «цивилизация» подразумеваются разные «локальные цивилизации», о чем писали такие известные ученые, как О. Шпенглер, А. Тойнби, Н.Я. Данилевский, С. Хантингтон и др. В исследованиях, посвященных теории цивилизации, термины «цивилизация» и «культура» часто используются вместе, иногда даже употребляются как синонимы, но в любом случае они являются взаимно дополнительными, что признается и в отечественных публикациях [Кара-Мурза А. 1995, 310], и в зарубежных. Например, об этом речь идет в книге немецкого ученого Алана П. Штерна, утверждающего, что цивилизация создает единое жизненное пространство, культура наполняет его ценностями, метафорами, идеями и смыслом [Stern 2019].

Во-вторых, необходимо ответить на вопрос о том, что есть российская цивилизация и существует ли она. Вопрос может показаться странным для страны с тысячелетней историей, но он обсуждается в интеллектуальном поле России и до сих пор не снят с повестки. Неоднозначные ответы на него вносят весомый вклад в указанную неопределенность, влияют на разные проекты цивилизационного развития, над вариантами которых задумываются исследовательские коллективы страны. Следует отметить, что точное определение концепта «проект цивилизационного развития» все еще отсутствует в современной отечественной литературе.

Звучащие призывы о том, чтобы не политизировать и не идеологизировать тему цивилизации, лукавы, как нам кажется, поскольку стремятся завуалировать именно политический мотив. Определяя в итоге главный вектор развития страны в политическом

устроении, в социально-экономическом и культурном плане, его ценностных и духовных константах, цивилизационные исследования не могут быть политически и идеологически нейтральными. Историческое доказательство идеологического подхода к данному вопросу приводит Ф. Блюхер: «“Цивилизационные исследования” приобретают отчетливый вид идеологического конструкта, тесно связанного с той или иной исторической эпохой. Так, византийские современники объясняли победу ислама в противостоянии с империей в VII в. исключительно кознями дьявола или божьей карой за грехи» [Блюхер 2020, 53]. Современным доказательством приведенного тезиса служат версии, выдвинутые реформаторами нашего государства относительно российской цивилизации в период ее радикальной трансформации.

Исследователь и публицист С.Г. Кара-Мурза выделяет три версии, господствовавшие в гуманитарном дискурсе и публичном пространстве. «Первая из них гласила, что Россия не является ни самостоятельной цивилизацией, ни частью иной большой цивилизации, она выпала из мирового цивилизационного развития и осталась в состоянии *варварства*», ибо здесь никогда не было «духа цивилизации» [Кара-Мурза С. 2011, 6]. Данная радикальная версия лишала Россию цивилизационного статуса и, следовательно, возможности считаться субъектом права не только в советское время, но и в ее прошлом. Сторонники этой версии громко заявляли о своем праве кардинально изменить жизнь страны, направив ее по пути, отвечающему скорее интересам Запада, чем России. Вторая версия признавала Россию, в качестве цивилизации, но цивилизации патологически жестокой, тоталитарной, антигуманной и безнравственной. Все эти качества были присущи ей изначально, т.е. являлись ее примордиальным качеством. Поэтому предлагалось полностью сменить тип цивилизации, его базисные характеристики, не считаясь с катастрофическими последствиями. И, наконец, «третья версия, была самой мягкой и сводилась к тому, что Россия была и есть часть Запада. Она лишь слегка отклонилась от “столбовой дороги” из-за советского эксперимента, и теперь надо прилежно учиться у Запада, чтобы наверстать упущенное за 70 лет» [Кара-Мурза С. 2011, 7].

Обратимся к третьей версии как наиболее популярной, чтобы понять, имеются ли для нее основания и как Запад воспринимает Россию. Соответствующая работа уже сделана. Существует огромная литература, посвященная характеристикам и разным

аспектам бытия западной цивилизации: выявлены фундаментальные несовпадения Запада и России в отношении к окружающему миру, различие ценностей, жизненных принципов и идеалов, их сложные взаимоотношения. В психологическом плане понять свою цивилизацию легче через понимание другой цивилизации, в данном случае – западной, к которой и тяготеет третья версия. Об этом свидетельствует, в частности, зулусская максима «*Umntu ngumuntu ngabantu*». Она означает, что человек может быть человеком только тогда, когда он находится во взаимодействии с другими, т.е. его человеческие качества проявляются через осознание себя через других. Это вполне относится и к цивилизациям. Полагаем, данная максима является емкой и насыщенной более глубоким смыслом, чем даже декартовское «Я мыслю, следовательно, существую».

В данном контексте неизбежно появляется феномен Другого, ставший объектом философского осмысления многих философов (М. Бахтин, Г. Гадамер, Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер, К. Ясперс и др.) Не вдаваясь в подробности этих учений, отметим главную мысль, которую зафиксировали отечественные исследователи: «Все, что человек может понять относительно самого себя, оценить, определить как высоко ценностно-значимое, или наоборот, как пустое, ничтожное, в конечном итоге определяется Другим» [Жукова, Жуков 2012, 216]. Нельзя не учитывать, что в философии XX века произошло важное переосмысление толкования Другого, когда вместо *тождества* Я и Другого пришло понимание бытия Другого как принципиально иной реальности со всеми присущими ему различиями. Именно эти различия и являются важным конститутивным основанием самости и Другого, а также их соотносительности. Другой – это чужой, не свой, он, как правило, наделяется негативными характеристиками. Описанный феномен наблюдается на всем протяжении человеческой истории.

Обращение к этому, уже не новому, но вполне универсальному методу, оправдано его особой актуальностью в настоящее время. Бытие различия и осуществление различия самости и Другого – камень преткновения в дискуссиях о цивилизационной проблематике, катализатором которых является деструктивная логика глобализации. В современной ситуации неопределенности, все больше приобретающей черты опасной определенности, стимулирующей повышенный интерес народов к своей

цивилизационной идентичности, концепт Другого актуален как в теоретическом, так и в практическо-политическом плане. В теоретическом аспекте использование концепта Другого в качестве методологического принципа позволяет объяснить механизм возникновения, становления цивилизационной идентичности и особенности взаимодействия с иными цивилизационными идентичностями, поскольку без отличия, т.е. инаковости, никакая цивилизационная идентичность, особенно в современных условиях глобализации, невозможна. В практическо-политическом плане этот подход обеспечивает иммунитет от завышенных ожиданий и необоснованных иллюзий, а также вытекающих ошибочных политических действий.

Любая цивилизационная идентичность конструируется за счет образа Другого, который становится базовым в процессе постижения своей идентичности и взаимодействия с иной. В оптике Другого откровенно выглядит саморепрезентация западной цивилизации с ее оправданием и легитимизацией насилия в период колониальных завоеваний. Роль экспансионизма и насилия в распространении влияния западной цивилизации рассматривается во многих монографиях [Linklater 2016; Walter 2017; Campbell 2012; The Routledge History... 2014]. Швейцарский исследователь Ж. Старобински показывает, как получившее распространение в европейском обществе со времен Французской революции осознание себя через понятие цивилизации, приводящее к отказу многим народам других частей света в праве называться цивилизационными, ведет к обоснованию насилия. «Все, что не является цивилизацией, все, что противостоит ей, есть чудовищное, абсолютное зло. По мере усиления такой риторики становится легитимным требование принесение значительных жертв во имя цивилизации... Враги цивилизации, варвары, если они не могут быть обучены или обращены, должны быть обезврежены» [Starobinski 1993, 18]. Западная цивилизация рассматривалась как высший уровень культурной идентичности, позволявший носителям этой идентичности различать цивилизованных и нецивилизованных и, выступать против Других, непохожих, а соответственно, неполноценных, недостойных и чуждых, которых принято называть варварами [Спиридонова 2020]. Однако и западная цивилизация приобретает статус Другого по отношению к иным, в частности, к России, но наделенная ее представителями положительными характеристиками.

Россия и Запад – два цивилизационных, противоположных образа Другого. На протяжении веков Россия и воспринимается Западом как нечто чуждое, враждебное. Широко известную палитру негативных оценок российской цивилизации демонстрировали многие западные авторы (положительные оценки не являлись определяющими), представлять которые в пределах настоящей статьи не представляется возможным и необходимым. Приведем лишь характерное и репрезентативное высказывание О. Шпенглера, для которого Россия и Запад – это «различие не двух народов, но двух миров». Шпенглер пишет: «Тут обнаруживается вечная, но до сих пор мало привлекавшая к себе внимание граница, дальше которой мы не в состоянии иметь действительное общение с чуждыми нам индивидуальностями и правильно понимать проявления их жизни... Разницу между русским и западным духом необходимо подчеркивать самым решительным образом. Как бы глубоко ни было душевное и, следовательно, религиозное, политическое и хозяйственное противоречие между англичанами, немцами, американцами и французами, но перед русским началом они немедленно смыкаются в один замкнутый мир» [Шпенглер 2002, 147].

Об этом красноречиво свидетельствует и современный острый конфликт между двумя ведущими американскими партиями, которые, однако, едины в противостоянии России (как и Европа, составная часть Запада). Негативное отношение к России западного мира современный французский ученый и политический деятель И. Бло объясняет не только ее геополитическим положением, сковывающим имперские устремления США, но и тем, что она является носителем традиционных ценностей, которые все более подвергаются острым нападкам [Бло 2016]. Таким образом, на Западе не только сохраняется давно сформировавшийся образ России как Другого со всеми его негативными характеристиками, но и приобретает в последние годы все более жесткие акценты, подтверждая предзаданность восприятия России в качестве Другого, как основной константы во взаимоотношениях Запада и России. Из этого следует, что по отношению к ней допустимо все. Подтверждением является современная постоянно усиливающаяся санкционная политика Запада, которая, как считают

некоторые эксперты, знаменует принципиально изменившийся характер современных войн, проявляющийся в экономическом удушении. В современной ситуации глобальной неопределенности западные страны решили, что только они обладают правом определять, как будет выглядеть мир.

Актуальное значение Другого для идейной манифестации своей инаковости проявляется сегодня и на внешнем контуре (на границе западной и российской цивилизаций), и на внутреннем – в рамках указанных версий российской цивилизации. Обратимся к российской цивилизации, которая все-таки существует, при всех ее неизбежных изменениях и кризисах в истории, несмотря на ее отрицание некоторыми приверженцами радикальной версии. Целью данной статьи является не доказательство факта ее существования, тем более что это убедительно сделали в отечественной литературе великие мыслители прошлого и современные ученые, которые определили ее главные качества и выделили множество отличий российской цивилизации от западной. Рассмотрим ряд бесспорных объективных характеристик.

В российской цивилизации, в отличие от западной, выработана уникальная формула совместной мирной жизни народов и культур, сохранивших самобытность и обогативших ее культурными достижениями. Важным историческим фактом для доказательства отличия российской цивилизации от западной является русский язык, сохранившийся в своей основе на протяжении веков и зафиксировавший языковую картину мира, которая отражает во многом культурные особенности народа

Это нашло свое выражение, в частности, в отношении к войне в России. Война и культура сейчас редко рассматриваются в своем нерасторгнутом единстве. Однако еще И.Я. Данилевский обращал внимание на этот фактор (вновь ставший актуальным после распада биполярной мировой политической системы), когда война как способ решения международных проблем становится все более вероятной. По мнению Данилевского, «одна из таких черт, общих всем народам романо-германского типа, есть, насильственность (*Gewaltsamkeit*)... Такое навязывание своего образа мыслей другим, такое подчинение всего своему интересу... представляется как естественное подчинение низшего высшему,

в некотором смысле даже как благодеяние этому низшему» [Данилевский 1991, 179]. В противоположность этой насильственности западной цивилизации, Данилевский определил отличительную черту российской цивилизации следующим образом: «Терпимость составляла отличительный характер России в самые грубые времена» [Данилевский 1991, 179]. Для России на протяжении веков не были характерны войны с целью обращения противной стороны в свою веру или навязывания своей культуры.

Яркое отражение различия обеих цивилизаций можно найти и в народных сказках. Анализируя две сходные по сюжету народные сказки (русскую и французскую), а в действительности две вариации одной сказки, С.Г. Ильинская и В.И. Рыжкова раскрыли глубинный подтекст, т.е. устоявшиеся на ментальном уровне культурные особенности, свидетельствующие об их сущностном различии. В результате проведенного исследования им удалось выделить «архетипы русской и французской ментальности, обусловленные принадлежностью к российской и европейской цивилизациям» [Ильинская, Рыжкова 2020].

Наличие этих из ряда иных признаков российской цивилизации уже придают ей статус Другого по отношению к западной цивилизации. Тем не менее исторически сложившаяся неопределенность российской цивилизационной идентификации по-прежнему сохраняется, как из-за попыток России европеизироваться в прошлом, так и благодаря активным усилиям, предпринятым с 1990-х годов и продолжавшихся до недавнего времени, подражать Западу. Современное западничество приобрело при этом качественно иное свойство. В отличие от классического западничества XIX века, ориентированного при всей своей критичности на интересы России, современное – сконцентрировано главным образом на личных потребностях и устремлениях его поборников. Это провоцирует определенные сообщества внутри России, олицетворяющие принцип Другого западного образца активно проявлять себя в разных сферах. В области политики ввиду более закрытой ее специфики это выражено не так рельефно и не находит яркого воплощения в публичном пространстве. Иная картина наблюдается в гуманитарной сфере, в области общественных наук. Причина заключается в том, что культурное единство нынешних интеллек-

туалов распалось. Они читают разную литературу и имеют разных кумиров, у них отсутствует и цельное мировоззрение. У каждого – свое видение мира и, в частности, мнение о том, существует ли российская цивилизация и какой она должна быть.

Поэтому упомянутые выше версии продолжают существовать в нынешней России, постоянно подпитываясь заявлениями авторитетных интеллектуалов. Наиболее устойчивой и распространенной является третья версия (порой она комбинируется с первой или второй версиями). Высказывания ее сторонников, которые смотрят на российскую цивилизацию глазами Другого, проникнуты мизантропическим пафосом. Привлекательность данной версии, особенно для ряда представителей современного поколения россиян, объясняется уровнем материального успеха, благополучия и влияния, корни которых видятся в западной системе ценностей. Однако сегодня не все так благополучно, и западная цивилизация, по признанию ее адептов, находится в глубоком кризисе. Неслучайно упомянутый нами Алан Штерн призывает к переосмыслению западной цивилизации, зашедшей в тупик, а затем к необходимости сознательно и систематически ее заново формировать.

Но самое печальное для России состоит в том, что приверженцы подобных версий, захватив монополию на истину, склонны к ресентименту, проявляющемуся в радикальном неприятии иных точек зрения, в стремлении наклеить ярлыки и публично пригвоздить к позорному столбу оппонентов. Подтверждения для негативных оценок российской цивилизации они порой черпают в великой русской литературе, которая, по замечанию И.Л. Солоневича, была более склонна замечать слабые стороны России, нежели сильные [Солоневич 1991, 164, 171]. При таком подходе некоторых авторов к российской цивилизации попытки создавать проекты цивилизационного развития кажутся проблематичными.

Заключение

Состояние неопределенности, которое для России становится все более определенным с учетом усилившейся враждебности Запада, выразившейся в беспрецедентной санкционной политике и

открытом провозглашении России в качестве врага, является вызовом. Вызов требует не только разработки мер защиты, но и служит стимулом для открытия новых перспектив, к чему и призвано создание российского проекта цивилизационного развития. Поэтому в процессе работы над проектом не стоит забывать о более высокой цели, чем бесконечное уточнение понятий. Анализ всевозможных оттенков и нюансов понятий, их сравнение с зарубежными аналогами теоретически интересно, но малопродуктивно в практическом аспекте.

В сегодняшней ситуации мы можем выжить в том случае, если внутри России будет найден выход для движения в будущее из ситуации неустойчивости и неопределенности. Будущее же туманно и непредсказуемо, из-за чего переход к удовлетворяющему все общество проекту жизнеустройства может наступить или не наступить. Потребность в понимании будущего или хотя бы его контуров в России очень велика, как и в мире в целом. В условиях признания Западом России в качестве Другого важно научиться с пользой для себя применять ситуацию, не упустить исторический момент и шанс сформулировать проект, который способен стать базой успешного движения России. В связи с этим главная задача проекта видится в осуществлении цивилизационной консолидации российского общества на основе самоидентификации, дающей систему мировоззренческих координат для определения того, что жизненно значимо для российской цивилизации, какие ценности для нее приоритетны. Проблема идентификации в сложных условиях российского исторического бытия неоднократно приобретала судьбоносное значение для цивилизационного самоопределения России. Однако в целом ее успешно решали за счет базовых характеристик, сохраняя тем самым преемственность существования России в разные исторические эпохи. Все это позволяет конкретизировать произошедшие изменения в цивилизации, выявить то, что нужно сохранить, отказаться от того, что мешает и является деструктивным, наметить точки роста, перспективы развития и вдохновляющую цель, т.е. предложить иное развитие, иную формулу жизни, удовлетворяющую общество и дающую ему перспективу. В этом, полагаем, и состоит суть обсуждаемой проблемы.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бжезинский 2017 – Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его стратегические императивы / пер. с англ. О.Ю. Уральской. – М.: АСТ, 2017.

Бло 2016 – *Бло И.* Россия Путина / пер. с франц. М.К. Огородова. – М.: Книжный мир, 2016.

Блюхер 2020 – *Блюхер Ф.Н.* Цивилизационные исследования: сложности реализации // Проблемы цивилизационного развития. 2020. Т. 2. № 2. С. 49–64.

Вересов 2018 – *Вересов Н.Н.* Неопределенность и человеческая действительность: метафизические метафоры и метафорическая метафизика // Человек в условиях неопределенности / под общ. и науч. ред. Е.В. Бакшутовой, О.В. Юсуповой, Е.Ю. Двойниковой. – Самара: Самарский государственный технический университет, 2018. С. 6–12.

Данилевский 1991 – *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. – М.: Книга, 1991.

Дорожкин, Соколова 2015 – *Дорожкин А.М., Соколова О.И.* Понятие «неопределенность» в современной науке и философии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 12. С. 5–12.

Жукова, Жуков 2012 – *Жукова О.И., Жуков В.Д.* Понимание Другого как модус существования человека // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 1 (49). С. 216–219.

Ильинская, Рыжкова 2020 – *Ильинская С.Г., Рыжкова В.И.* Цивилизационная специфика архетипических образов русской и европейской сказок (опыт сравнительного исследования) // Проблемы цивилизационного развития. 2020. Т. 2. № 2. С. 86–106.

Кара-Мурза А. 1995 – *Кара-Мурза А.А.* «Новое варварство» как проблема российской цивилизации: монография. – М.: Институт философии РАН, 1995.

Кара-Мурза С. 2011 – *Кара-Мурза С.Г.* Россия и Запад: парадигмы цивилизаций. – М.: Культура; Академический проект, 2011.

Первушина 2007 – *Первушина О.Н.* Человек и неопределенность: на подступах к постановке проблемы // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Психология. 2007. Т. 1. № 1. С. 11–19.

Пригожин 1991 – *Пригожин И.* Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46–52.

Пригожин 2000 – *Пригожин И.* Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы / пер. с англ. Ю.А. Данилова. – Ижевск: Регулярная и хаотическая динамика, 2000.

Рузавин 2009 – *Рузавин Г.И.* Неопределенность, вероятность и прогноз // Философский журнал. 2009. № 2 (3). С. 77–92.

Солоневич 1991 – *Солоневич И.Л.* Народная монархия. – М.: Феникс, 1991.

Спиридонова 2020 – *Спиридонова В.И.* Оппозиция «цивилизация – варварство», ее истоки и эволюция // Философские науки. 2020. Т. 63. № 2. С. 27–45.

Степин 2017 – *Степин В.С.* Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития // Журнал Белорусского государственного университета. Сер. Социология. 2017. № 3. С. 6–11.

Фролов 2006 – *Фролов Э.Д.* Проблема цивилизаций в историческом процессе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. История. 2006. № 2. С. 96–100.

Чодрон 2016 – *Чодрон П.* Искусство жить в эпоху неопределенности и перемен / пер. Е. Никишихиной. – М.: Ганга, 2016.

Шпенглер 2002 – *Шпенглер О.* Пруссачество и социализм / пер. с нем. Г.Д. Гурвича. – М.: Праксис, 2002.

Campbell 2012 – *Campbell K.L.* Western Civilization: A Global and Comparative Approach. Vol. 1: To 1715. – Armonk, NY: M.E. Sharpe, 2012.

Linklater 2016 – *Linklater A.* Violence and Civilization in the Western States-Systems. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2016.

Prigogine 1983 – *Prigogine I.* Probing into Time // Biological Foundations and Human Nature / ed. by M. Balaban. – New York: Academic Press, 1983. P. 47–80.

Stern 2019 – *Stern A.P.* Redesigning Civilization: Wie erschaffen wir die westliche Zivilisation neu? – Wiesbaden: Continentia, 2019.

Starobinski 1993 – *Starobinski J.* The Word Civilization // *Starobinski J.* Blessings in Disguise, Or, The Morality of Evil. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993. P. 1–35.

The Routledge History... 2014 – The Routledge History of Western Empires / ed. by R. Aldrich, K. McKenzie. – London: Routledge, 2014.

Walter 2017 – *Walter D.* Colonial Violence: European Empires and the Use of Force. – Oxford: Oxford University Press, 2017.

REFERENCES

Aldrich R. & McKenzie K. (Eds.) *The Routledge History of Western Empires*. London: Routledge.

Blot Y. (2015) *La Russie de Poutine*. Paris: Bernard Giovanangeli (Russian translation: Moscow: Knizhnyy mir, 2016).

Blucher F.N. (2020) Multi-Vector Development of the Modern World. *Problemy tsivilizatsionnogo razvitiya*. Vol. 2, no. 2, pp. 49–64 (in Russian).

Brzezinski Z. (1997) *The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*. New York: Basic Books (Russian translation: Moscow: AST, 2017).

Campbell K.L. (2012) *Western Civilization: A Global and Comparative Approach. Vol. 1: To 1715*. Armonk, NY: M.E. Sharpe.

Chödrön P. (2012) *Living Beautifully: with Uncertainty and Change*. Boston: Shambhala (Russian translation: Moscow: Ganga, 2016).

Danilevsky N.Ya. (1991) *Russia and Europe*. Moscow: Kniga (in Russian).

Dorozhkin M. & Sokolova O.I. (2015) The Concept of Uncertainty in Modern Science and Philosophy. *Herald of Vyatka State University*. No. 12, pp. 5-12 (in Russian).

Frolov E.D. (2006) The Problem of Civilizations in the Historical Process. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. No. 2, pp. 96–100 (in Russian).

Ilinskaya S.G. & Rozhkova V.I. (2020) Civilizational Specificity of Archetypal Images of Russian and European Fairy Tales (Experience of Comparative Research). *Civilization Studies Revue*. Vol. 2, no. 2. pp. 86–106 (in Russian).

Kara-Murza A.A. (1995) “New Barbarism” as a Problem of Russian Civilization. Moscow: RAS Institute of Philosophy (in Russian).

Kara-Murza S.G. (2011) *Russia and the West: Paradigms of Civilization*. Moscow: Kultura (in Russian).

Linklater A. (2016) *Violence and Civilization in the Western States-Systems*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Pervushina O.N. (2007) Man and Uncertainty: On the Approaches to the Problem Statement. *NSU Vestnik. Series: Psychology*. Vol. 1, no. 1, pp. 11–19 (in Russian).

Prigogine I. (1983) Probing into Time. In: Balaban M. (Ed.) *Biological Foundations and Human Nature* (pp. 47–80). New York: Academic Press.

Prigogine I. (1991) The Philosophy of Instability. *Voprosy filosofii*. No. 6, pp. 46–52 (in Russian).

Prigogine I. (1997) *The End Of Certainty: Time, Chaos and the Laws of Nature*. New York: Free Press (Russian translation: Izhevsk: Regularnaya i khaoticheskaya dinamika, 2000).

Ruzavin G.I. (2009) Uncertainty, Probability and Forecast. *The Philosophy Journal*. No. 2, pp. 77–92 (in Russian).

Solonevich I.L. (1991) *People’s Monarchy*. Moscow: Feniks (in Russian).

Spengler O. (2002) *Prussianism and Socialism*. Moscow: Praxis (Russian translation).

Spiridonova V.I. (2020) The Dichotomy of Civilization and Barbarism: Its Origins and Evolution. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 63, no. 2, pp. 27–45 (in Russian).

Starobinski J. (1993) The Word *Civilization*. In: Starobinski J. *Blessings in Disguise, Or, The Morality of Evil* (pp. 1–35). Cambridge, MA: Harvard University Press.

Stepin V.S. (2017) Civilization in the Epoch of Changes: Search for New Development Strategies. *Journal of Belarussian State University. Sociology*. No. 3, pp. 6–11 (in Russian).

Stern A.P. (2019) *Redesigning Civilization: Wie erschaffen wir die westliche Zivilisation neu?* Wiesbaden: Continentia (in German).

Veresov N.N. (2018) Uncertainty and Human Reality: Metaphysical Metaphors and Metaphorical Metaphysics. In: Bakshutova E.V., Yusupova O.V., Dvoynikova E.Yu. *Man under the Conditions of Uncertainty* (pp. 6–12). Samara: Samara State Technology University (in Russian).

Walter D. (2017) *Colonial Violence: European Empires and the Use of Force*. Oxford: Oxford University Press.

Zhukova O.I. & Zhukov V.D (2012) Understanding the Other as a Mode of Human Existence. *Bulletin of Kemerovo State University* No. 1, pp. 216–219 (in Russian).